

**Васильев В.В. Дэвид Юм
и загадки его философии.
М.: ЛЕНАНД, 2020. 704 с.**

Для цитирования: Беседин А.П. Рец. на кн.: Васильев В.В. Дэвид Юм и загадки его философии // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 430–434.

For citation: Besedin, A.P. “Rets. na kn.: Vasilyev V.V. Devid Yum i zagadki ego filosofii” [Review: Vasilyev V.V. David Hume and the Riddles of His Philosophy], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 430–434. (In Russian)

Работа В.В. Васильева – это первая монография о Дэвиде Юме на русском языке с советских времен. Она представляет собой разностороннее виртуозное исследование наследия одного из крупнейших философов прошлого и соответствует самым высоким стандартам современных интеллектуальных биографий философов. Хотя интеллектуальной биографией она является лишь частично.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания книги, я хотел бы на мгновение обратить внимание на этот труд как на артефакт. Семисотстраничный том внушает уважение уже своими размерами: рыхлая бумага придает ему дополнительный объем, гарантируя, что эта книга будет доминировать на полке. Кажется, что дополнительная пухлость придана книге неслучайно: с одной стороны, ее массивность перекликается с мощной фигурой толстяка Юма на обложке; с другой, сам внешний вид уже говорит, что это книга не для легкого чтения, а для медленного вдумчивого изучения. Хотя, нужно отметить, что стиль этой работы, скорее, легкий:

во множестве мест автор мог бы уйти в историко-философские или интерпретационные детали, утопить в них читателя. Но он как будто скользит от одной темы к другой, не задерживаясь ни на чем слишком долго и в тот же время говоря обо всем исчерпывающе.

Книга состоит из трех неравных по объему частей, соответствующих разным подходам, применяемым Васильевым к предмету своего исследования. В первой части Васильев реконструирует основные философские достижения Юма в области онтологии, эпистемологии, философии религии, свободы воли, этики и метаэтики, психологии, метафилософии и показывает их значение для современной философии. Здесь обсуждается учение Юма о причинности, о привычке и вере, его критика чудес и доказательств бытия Бога, компатибилистская теория свободы воли, учение о симпатии и добродетелях, ассоциации аффектах и другие, прочно связанные с юмовской философией темы. Юм здесь предстает перед нами как современный философ: автор, во многом сформировавший философский контекст XXI в. Эта первая концептуальная часть книги может быть рекомендована к прочтению студентам как прекрасное введение в философию Юма без углубления в биографические подробности и загадки его мысли.

Вторая часть, занимающая большую часть книги, пятьсот страниц, посвящена интеллектуальной биографии Юма: рассказ о жизни философа переплетен с изложением его произведений, которому отводится главенствующее место. Этой части свойственна особенная многогранность. Во-первых, читатель узнает из нее о жизни Юма. Биография философа в изложении Васильева завораживает: концентрация на его характере сочетается с вниманием к бытовым мелочам. Не слишком много и не слишком мало деталей используется для создания яркого и живого портрета Юма. Во-вторых, Васильев излагает содержание всех работ Юма, сопровождая это изложение пронизательным историко-философским комментарием. Наконец, в-третьих, перед нами разворачивается историко-философский детектив, в котором решаются многочисленные загадки юмовской философии. Васильев реконструирует содержание ранней несохранившейся работы Юма по философии религии, доказывая сам факт существования этой работы, проясняет, в чем состояла

«новая арена мысли» которую открыл для себя Юм на заре своего творчества и о которой он сообщает в «Письме к врачу», восстанавливает порядок написания книг «Трактата о человеческой природе», реконструирует основные идеи не дошедшего до нас эссе о геометрии. Но особое внимание Васильев уделяет «Диалогам о естественной религии» – работе Юма, вышедшей уже после его смерти. «Диалоги» обрамляют вторую часть книги: в ранней работе Юма о религии уже были заложены основы «Диалогов», потом Юм всю жизнь работал над этой книгой и только после его смерти она увидела свет. Одним из выводов книги, пожалуй, в наибольшей степени открывающих читателю характер Юма, специфику его философии, состоит в том, что «Диалоги» – это беседа между двумя сторонами личности Юма, Юмом-скептиком и Юмом-позитивным философом (с. 653), беседа, продолжавшаяся всю жизнь.

Кроме того, Васильев анализирует разные направления творчества Юма. Он называет их проектами и насчитывает их три: антропологический, религиозоведческий и исторический (с. 476). В «Трактате о человеческой природе» и работах, являющихся его переложениями и продолжениями, развивается антропологический проект. Ему Васильев уделяет больше всего места. Юм предстает здесь предшественником Канта, пытающимся ответить на вопрос «Что такое человек?» Религиоведческий проект реализован, главным образом, в «Диалогах о естественной религии». Главной исторической работой Юма является, разумеется, его «История Англии». Ее рассмотрению Васильев также отводит довольно много места, что делает его книгу исключительно разносторонней и всеобъемлющей. Интересно, что «Естественную историю религии» Васильев относит к историческим работам Юма (с. 477).

Самая маленькая, третья, часть книги подводит итог проделанной работе и называется «Интерпретации». В этой части Васильев предлагает свой ответ на вопрос о юмовском скептицизме, решить который можно, только пройдя весь предшествующий путь. Васильев делает такой вывод: «По своим интенциям, сохранившимся у Юма на протяжении всей его жизни, он был позитивным мыслителем... Скептицизм Юма оказывается всего лишь оборотной стороной его идейной креативности» (с. 632). В этой же части Васильев подводит итог решенным им

загадкам юмовской философии. Стоит отметить позитивный настрой самого Васильева, который видит у Юма загадки, а не тайны, головоломки, которые ждут своего решения, а не неразрешимые клубки противоречий. Такая установка может даже создать впечатление, будто никаких трудностей в интерпретации Юма уже не осталось.

Несмотря на безусловные достоинства, необходимо высказать и некоторые критические замечания к этой книге. Мастерский анализ Васильевым текстов, касающихся раннего развития юмовской мысли, и полученные им выводы относительно времени написания, объема и содержания несохранившейся работы по философии религии, безусловно, являются большим вкладом в историю философии. Однако один момент в этом анализе может вызвать вопросы. Выясняя, какую «новую арену мысли» открыл для себя Юм, Васильев предлагает единственную, «одну из самых простых», гипотезу: «“Новая арена мысли”, о которой писал Юм, это попросту поле философского дискурса и аргументации» (с. 151). Непонятно, почему автор не выдвигает других гипотез и останавливается на этой, хотя и простой, но отнюдь не столь очевидной. Открытие Юма, о котором он эмоционально рассказывает через пять лет, оказывается очень наивным. Неужели Юму, которому в юном возрасте была столь интересна философия, поле философской аргументации должно было открыться в результате некоего озарения? На с. 643 Васильев уже по-другому характеризует это открытие: «У Юма стала получаться философская аргументация, открылось то самое неистощимое философское воображение, которому он был обязан нестандартными подходами, находками и скептическими настроениями». Это описание относится уже как будто к оригинальному методу Юма, а не «просто полю философского дискурса». Кажется, что характеристику «новой арены мысли» можно уточнить.

Другое возражение касается общего контекста европейской философии, в который Юм оказывается помещен в недостаточной мере. Описывая работу одного из биографов Юма, Васильев характеризует его подход так: «При рассмотрении работ Юма автор допускает, что тот был более всего озабочен размещением своих идей в контексте тогдашних дискуссий» (с. 125). Подход

Васильева тяготеет к другой крайности: кажется, что Юм – абсолютно уникальный, оригинальный, новаторский философ – создает свои теории без какого бы то ни было историко-философского контекста. Разумеется, Васильев в надлежащих местах упоминает влияние на Юма Мальбранша, Локка, Бейля, Кларка, Беркли, однако эти фигуры не создают какого-то культурного фона, атмосферы, в которой работал Юм.

Наконец, можно отметить, что не всем философским идеям Юма в книге уделено равное внимание. Бросается в глаза, что в первой «концептуальной» части работы не обсуждаются эстетика и политическая философия Юма. В случае с эстетикой это можно объяснить тем, что Васильев считает, что у Юма нет позитивной эстетической теории (с. 475). Но в случае с политической философией, большое значение которой для революции в Америке Васильев отмечает (с. 560), такое вряд ли можно сказать. Политическая философия Юма явно заслуживает отдельного рассмотрения вместе с другими его ключевыми идеями. Кроме того, она создает некоторую проблему для васильевской классификации юмовских проектов: должна ли она быть отнесена к антропологическому или историческому проекту (наверное, не к религиозному)? Или она представляет собой отдельный проект? Учитывая, что можно поставить вопрос и о корректности отнесения «Естественной истории религии» исключительно к историческому проекту, проблему разграничения юмовских проектов можно заострить. Разделы, посвященные политической философии Юма, распределены по второй части книги, из-за чего читательское внимание не концентрируется на этой важной проблематике.

Приведенные возражения, однако, лишь подчеркивают достоинства работы: смелые и аргументированные гипотезы Васильева являются прекрасным примером историко-философской работы, на первый план в книге выдвинуты оригинальные, новаторские идеи Юма, а эстетические и политические идеи философа разобраны в основном тексте второй части, хотя и не концентрированно. Таким образом, книга Васильева представляет собой один из эталонных примеров работы подобного жанра.

*Артём Петрович Беседин,
философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова*